
Мирский Д. С. **Андрей Белый** // Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. -- London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. -- С. 716--728.

Оригинал здесь: [Фундаментальная электронная библиотека](#).

Рассказывая о жизни Блока, я несколько раз упомянул имя другого замечательного писателя -- Андрея Белого. Блок был величайшим, но Андрей Белый, конечно же, самым оригинальным и самым влиятельным из всех символистов. В отличие от Блока, которого больше всего влекло прошлое с его великими романтиками, Белый был весь обращен к будущему и из символистов был ближе всех к футуристам. Он и сегодня далеко опережает всех символистов по силе своего влияния; пожалуй, он единственный символист, который участвует в литературном развитии как активная сила. В особенности большое влияние оказала его проза, которая революционизировала стиль русских писателей. Белый -- фигура более сложная, чем Блок, да и все прочие символисты; в этом смысле он может соперничать с самыми сложными и смущающими фигурами в русской литературе, Гоголем и Владимиром Соловьевым, которые оказали немалое влияние на самого Белого. С одной стороны Белый -- это самое крайнее и типичное выражение символистских воззрений; никто не пошел дальше его в стремлении свести мир к системе "соответствий" и никто не воспринимал эти "соответствия" более конкретно и реалистично; но именно эта конкретность его нематериальных символов возвращает его к реализму, как правило, находящемуся вне символистского способа самовыражения. Он настолько владеет тончайшими оттенками реальности, выразительнейшими, значительнейшими, подсказывающими и одновременно ускользающими деталями, он так велик и так оригинален в этом, что невольно возникает совершенно неожиданное сравнение с реалистом из реалистов -- с Толстым. И все-таки мир Белого, несмотря на его более чем жизнеподобные детали, есть невещественный мир идей, в который наша здешняя реальность лишь проецируется как вихрь иллюзий. Этот невещественный мир символов и абстракций кажется зрелищем, полным цвета и огня; несмотря на вполне серьезную, интенсивную духовную жизнь он поражает как некое метафизическое "шоу", блестящее, забавное, но не вполне серьезное. У Белого до странного отсутствует чувство трагедии, и в этом он опять-таки совершенная противоположность Блоку. Его мир -- это мир эльфов, который вне добра и зла, как та страна фей, которую знал Томас Рифмач; в нем Белый носится как Пэк или Ариэль, но Ариэль недисциплинированный и сумасбродный. Из-за всего этого одни видят в Белом провидца и пророка, другие -- мистика-шарлатана. Кем бы он ни был, он разительно отличается от всех символистов полным отсутствием сакраментальной торжественности. Иногда он невольно бывает смешон, но вообще он с необычайной дерзостью слил свою наружную комичность с мистицизмом и с необычайной оригинальностью использует это в своем творчестве. Он великий юморист, вероятно, величайший в России после Гоголя, и для среднего читателя это его самая важная и привлекательная черта. Но юмор Белого сперва озадачивает -- слишком он ни на что не похож. Русской публике понадобилось двенадцать лет, чтобы его оценить, и вряд ли он сразу завоюет неподготовленного западного читателя. Но те, кто его отведал и получил к нему вкус, всегда будут признавать его в точном смысле слова единственным -- редчайшим, изысканнейшим даром богов.

Как столь многие современные русские писатели Андрей Белый прославился под псевдонимом, в конце концов заменившим его наследственное имя даже в частной жизни. Настоящее его имя -- Борис Николаевич Бугаев. Он родился в Москве в 1880 г. -- в том же году, что и Блок. Его отец, профессор Бугаев (профессор Летаев в сочинениях сына), был выдающимся математиком, корреспондентом Вейерштрасса и Пуанкаре, деканом факультета Московского университета. Сын унаследовал от него интерес к самым трудным для понимания математическим задачам. Он учился в частной гимназии Л. И. Поливанова, одного из лучших педагогов России того времени, который внушил ему глубокий интерес к русским поэтам. В доме М. С. Соловьева Белый встречался с Владимиром Соловьевым и рано стал знатоком его мистического учения. Годы конца века и начала следующего стали для Белого и для его не по годам развитого друга Сергея (сына М. С. Соловьева) временем экстатического ожидания апокалипсиса. Они вполне реально и конкретно верили, что первые годы нового столетия принесут новое откровение -- откровение Женской Ипостаси, Софии, и что ее пришествие полностью переменит и преобразит жизнь. Эти ожидания еще усилились, когда друзья узнали о видениях и поэзии Блока. В это время Белый учился в Московском университете, что заняло у него восемь лет: он получил диплом по философии и по математике. Несмотря на его блестящие способности, профессура смотрела на него косо